

## К ИСТОРИИ ЕЛАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В.П. Сергеев

Во второй половине 50-х годов в Министерстве геологии и охраны недр (МГиОН) сложилось представление о необходимости проведения среднemasштабной геологической съемки масштаба 1:200 000 (1:100 000) на всей территории страны по единым организационным и методическим принципам и правилам. Этой съемке придавался государственный статус. Позже была издана «Инструкция по подготовке и проведению геологической съемки масштаба 1:200 000 (1:100 000)». Геологические съемки разных масштабов, в том числе и среднemasштабные, проводились в стране и прежде, но не по единой методике и единым требованиям: каждый старался, как мог. Результирующей разнoбой искажал представление об истинном геологическом строении отдельных регионов и страны в целом, затруднял выявление закономерностей размещения полезных ископаемых и их прогнозные оценки.

В апреле 1956 г. В МГиОН был издан приказ, обязывающий региональные управления приступить к организации и проведению государственной геологической съемки масштаба 1:200 000, а в геологически сложных и перспективных районах - масштаба 1:100000.

Месяцем ранее в Западно-Сибирском геологическом управлении (ЗСГУ) был издан иной приказ - об объединении всех гидрогеологических партий, разбросанных по разным экспедициям, в единую Кузбасскую гидрогеологическую экспедицию. Начальником этой экспедиции назначался Н.А.Мецнер. А тут как раз подоспел приказ Министерства об организации съемочных работ. В ЗСГУ решили одним выстрелом убить двух зайцев - и навести порядок в гидрогеологии, и выполнить приказ Министерства. Вышел приказ, уже в ЗСГУ, об организации Кузбасской геолого-гидрогеологической экспедиции под началом того же Н.А.Мецнера. Так что, в известной мере, Н.А.Мецнер возглавил съемочную экспедицию по воле случая. В управлении как-то не поняли, что в региональной геологии страны, в том числе и в Западной Сибири, наступает новая эпоха. В приказе ЗСГУ преобладали заботы о своих внутренних делах, в данном случае - о гидрогеологических. Своих забот хватало, а тут еще Министерство какую-то съемку продвигает. Если бы поняли, может быть, начальником экспедиции был бы назначен не Н.А.Мецнер, далекий от региональной геологии, а соответствующий специалист. Даже о главном геологе съемочной (!) экспедиции не подумали, и долгие годы эту должность совмещал главный инженер экспедиции Леонид Федорович Артамонов.

В приказе управления были и другие лягусы. Вновь организованной экспедиции предписывалось проводить «геолого-съемочные и картосоставительские и (опять же) гидрогеологические работы на территории Кузбасса и прилегающих к нему районов». Ни Горный, ни Рудный Алтай к прилегающим к Кузбассу территориям не относятся, но в этих регионах была занята территория большая, чем в других, вместе взятых, горных регионах Западной Сибири. И совсем уж непонятный раздел приказа: «До 10.06.56. (т.е. меньше, чем через месяц после выхода приказа) закончить оформление проекта по сметной документации по партиям экспедиции». Но партии-то надо было сначала создать, потом уж писать проекты и составлять сметы! На практике на это ушло не менее года. Не помешала бы приказу некая торжественная преамбула, оповещающая о начале новой эпохи в региональной геологии, а мелкие вопросы, попавшие в приказ и затушевывающие торжество момента, следовало решать другим приказом.

Позже, когда поняли, что предстоит совершить вновь созданной экспедиции, слово «гидрогеологическая» убрали, и экспедиция стала называться «Центральной геологосъемочной (ЦГСЭ)», какой она и являлась на самом деле. Но начальником остался всё тот же Н.А. Мецнер.

До 1954 г. Западно-Сибирское геологическое управление (начальник Старков, главный геолог Звонарев) находилось в Новосибирске, на пересечении Красного проспекта и Потанинской улицы. Потом в здании случился пожар, и управление было переведено в Новокузнецк. После пребывания в многоэтажном, благоустроенном здании, почти в центре Новосибирска, управление оказалось даже не в здании, а в большом деревянном двухэтажном доме «Кузнецкуглегеологии» на окраине Новокузнецка.

Начальником нового управления был назначен Наум Самойлович Мамлин, главным инженером - Стефан Андреевич Скробов, главным геологом - Леонид Дмитриевич Староверов. Фактически управлением руководил С.А.Скробов, личность совершенно незаурядная - бывший заместитель министра геологии СССР, «высланный» в Сибирь за какие-то прегрешения, как говорили, за сокрытие неких данных в автобиографии. По сути, он исполнил ведущую роль в становлении и развитии ЗСГУ в Новокузнецке. Немалая его заслуга была и в создании новой геолого-съёмочной экспедиции. Именно Скробов ликвидировал неперспективные экспедиции, как, например Усть-Коксинскую в Горном Алтае, и создавал новые - Курайскую в том же регионе. Были, видимо, при его участии и другие изменения в других регионах. К вопросам о кадрах в разных подразделениях управления он относился очень внимательно.

На распределение молодых специалистов С.А.Скробов приглашал главного геолога ЗСГУ Леонида Дмитриевича Староверова, всех старших геологов геологического отдела: Александра Семеновича Калугина, начальника отдела; Павла Ефимовича Мертвцова (железо), Якова Романовича Зильбермана (цветные металлы), Илью Иннокентьевича Никонова (редкие земли), Алексея Степановича Мухина (кажется, уголь) и др. - всех уже не упомяну. Стефан Андреевич спрашивал каждого из нас, кто где был на производственной практике, по какой теме писал дипломную работу или проект. У выпускников с «красным» дипломом спрашивал, куда, в какую экспедицию хотел бы тот ехать. Остальных распределял, совещаясь со старшими геологами отделов. На защите проектов или отчетов должны были присутствовать все ИТР партии. С.А. Скробов останавливал на полуслове основного исполнителя, после чего велел кому-нибудь из ИТР партии продолжать доклад. Каждый в партии должен был знать всё о своих предстоящих (если это проект), или выполненных работах (если это отчет). С.А.Скробов часто ездил по партиям. В машине на ходу обычно спал. Это - черта всех геологов военной поры, не знавших ни сна, ни отдыха. Так, будущий главный геолог управления Михаил Григорьевич Русанов на заседаниях НТС часто дремал.

У Стефана Андреевича была хорошая память. Года через два после того, как он вернулся в Москву, я встретил его в коридоре Министерства геологии. Он меня узнал, назвал по фамилии, спросил, с чем я приехал в Министерство и о делах в ЗСГУ, хотя до этого общались мы с ним не часто - на проектах, в Курайской экспедиции, где я до того работал, а также на волейбольной площадке во дворе управления, где в обеденный перерыв устраивались баталии, в которых он принимал активное участие, хотя играл в волейбол неважно.

В Новокузнецке новое управление находилось в «Топольниках», на правом берегу Томи, в двухэтажном деревянном доме синего цвета. В одной (или двух) комнате полуподвального помещения ютилась вновь созданная геолого-гидрогеологическая экспедиция. Вновь прибывших геологов (а меня сюда перевели из Курайской экспедиции) встречал главный инженер Леонид Федорович Артамонов. С Н.А. Мецнером я пообщался месяца через два после.

В воспоминаниях, записанных в книге «ФГУП «Запсибгеолсъёмка»: 50 лет на службе геологии России», все заслуги в организации Еланской экспедиции приписываются Н.А. Мецнеру, о Л.Ф. Артамонове или не говорится ничего, или просто отмечается факт его работы главным инженером, что, конечно же, не соответствует действительности. По-моему, Артамонов сделал для экспедиции не меньше, а может быть и больше, чем Мецнер. Артамонов занимался созданием партий, распределением кадров и денег по партиям, про-

ектированием. Он долгие годы совмещал должности главного инженера и главного геолога. Причем в геологии он разбирался великолепно. Артамонов высмотрел в Салаирской экспедиции С.А.Скробов. Там Артамонов занимался разведкой рудопроявления ртути на горе Орлиной. Видимо, С.А.Скробов почувствовал в нем родственную душу и поставил в Еланскую экспедицию главным инженером. А Н.А. Мецнер занимался главным образом административно-хозяйственными вопросами. Л.Ф. Артамонов был старше нас, молодых специалистов, лет на пять. Войну он прослужил в авиации. Высокий, худощавый, длинноногий, длиннорукий, немного нескладный, резковатый, решительный, справедливый, - таким я его запомнил. Все его уважали.

Там же, в полуподвале, встретились и другие сотрудники экспедиции. Прежде всего, высокий, кудрявый главный бухгалтер - Жабкин. На приветствие он часто отвечал вопросом: «Закурить есть?». Запомнился и первый завхоз (зам. по хозяйству) Н.С. Очев - небольшого роста, усатый, разъезжавший на машине ГАЗ-67-б - первом советском «Виллисе». Машина эта была довольно потрепанная, дверцы закрывались на оконные шпингалеты. Обычно считается, что первым зам. по хозяйству экспедиции был Певнев, так вот, - не он, а Н.С. Очев. Н.С. Очев впоследствии организовал аренду поселка строителей Мысковской ГРЭС - «Мирный», где потом разместилась экспедиция.

Экспедиция быстро пополнялась сотрудниками: молодыми специалистами и переведенными из других экспедиций. Начался проектный этап. Служебных помещений у экспедиции, кроме полуподвала, не было. Проектировщики размещались и в геологическом музее, и в пожарном депо по улице Школьной. С жильем каждый устраивался, как мог. Многие снимали комнату или две в частных домах Старокузнецка, некоторые - в коммунальных домах ближе к центру Новокузнецка. Каждая семья платила за жилье из своего кармана.

А Елань строилась. Л.Ф.Артамонов организовывал съемку, для чего и была создана экспедиция, а Н.А. Мецнер строил Елань - тоже делал важное дело. И вот, что интересно: результаты деятельности Н.А. Мецнера оказались налицо: вот она, Елань, - поселок, дома, контора, мастерские, склады, даже спортзал! А где же результаты работы Л.Ф.Артамонова - листы геологической карты, отчеты, объяснительные записки? В фондах, в библиотеках, - походи их поищи! Поэтому есть в Елани главная улица Мецнера, а для Артамонова не нашлось даже переулка.

А в начале на Елани был построен склад, какие-то мастерские и один жилой дом около теперешней конторы. В этом доме пребывали прораб-строитель, кладовщик, ещё кто-то. Здесь же, в сараюшке, была организована кухня: за 1 рубль - лапша с тушенкой, компот из сухофруктов. За эту же цену можно было получить добавку. Итак, поели, вышли на волю (улиц еще не было), закурили, стали обзирать окрестности. До складов машинам не пройти - грязь. На задах будущей столовой, что находилась против конторы, была некая возвышенность, куда машины доходили. Запрягали в телегу «савраску» и возили грузы на эту возвышенность. Дальше - перегрузка на машину, и дальше - кому куда надо, в том числе и до Абагурского аэродрома, куда садились «кукурузники».

Среднемасштабной геологической съемкой, кроме непосредственных сотрудников ЦГСЭ, занимались еще и геологи, живущие в Новосибирске. Они ютились где-то в уцелевших от пожара новосибирского управления помещениях, жили в новосибирских квартирах. Это были «алтайцы»: супруги Аркадий Болеславович Гинцингер и Мира Карловна Винкман, а также Сергей Федорович Дубинкин, Валерий Матвеевич Сенников, Капиталина Дмитриевна Нешумаева, Раиса Федоровна Колпакова. А еще двое из «академиков» - Анатолий Федорович Белоусов и Юрий Гаврилович Щербаков. Не помню, были ли они в штате экспедиции или работали по договорам. До начала этой кампании по государственной геологической съемке они работали в Горном Алтае (Ю.Г. Щербаков - в Горной Шории), составляли полистные геологические карты, писали отчеты. Теперь предстояло пересмотреть эти материалы, привести их в соответствие с новыми требованиями, так сказать, провести

доизучение. Для некоторых листов потребовались полевые работы, другие обрабатывались камеральным путем. У «стариков» были помощники. Двое из них - В.В.Волков, помощник М.К.Винкман, и В.П.Студеникин, помощник В.М.Сенникова, - стали ответственными уже за свои листы. В горно-алтайскую серию входили и южные листы трапеции N - 45. Северную часть Горного Алтая в трапеции М-45 снимали партии ЗСГУ, наша экспедиция - 8 листов. Южную и восточную часть (13 листов) снимали партии Московского Всесоюзного Аэрогеологического треста (ВАГТ). Считалось, что вновь созданный трест будет отрабатывать методику использования материалов аэрофотосъемки при геологической съемке. Аэрофотоснимки у них были, но использовали они их не больше и не лучше нас. Но трест был богатым. До ЦГСЭ я работал в Курайской экспедиции. Помню, мимо нашего лагеря проезжал геолог ВАГТ-овец на «выброску». Геолог, коллектор, конюх - все верхом на лошадях: сбруя - любо-дорого посмотреть; седла новые, легкие, офицерские; узда, недоуздок, подхвостники, нагрудники, пара подпруг, к седлу приторочен волосяной Уамбурд (длинная веревка для навязки коня па выпасе), кожаные (!) путы. Сами - в какой-то ладной униформе из тонкого брезента. Каково было нам, измученным нашей рваной-перерванной, часто веревочной, в узелках, сбруей, разваливающимися, громоздкими солдатскими седлами, было смотреть на это великолепие? Правда, в ЦГСЭ со сбруей было получше благодаря стараниям завхоза М.Н. Певнева, но все равно далеко до той роскоши. С ВАГТ-овцами у нас были хорошие, даже дружественные отношения, даже в дискуссиях по геологии, где было немало разных мнений.

Так что, две организации - московский ВАГТ и сибирский ЗСГУ (ЦГСЭ) - снимали один регион. Но были и более парадоксальные случаи. Один из листов на стыке Кузбасса и Кузнецкого Алатау снимали также две организации: кузбасскую часть - партия ЦГСЭ под руководством Олега В. Корсака, а кузнецко-алатаускую - партия от ВСЕГЕИ под руководством Абрама Львовича Додина - предмета разных анекдотов и даже эпитаграмм («не забудет родина все заслуги Додина»). Додин продвигал какие-то схемы стратиграфии и магматизма, но местные геологи этих схем не принимали. Рассказывали, что Додин, дабы убедить оппонентов, к обнажению «немых» известняков в делювий подбрасывал образцы других известняков с фауной, чтобы отстоять свою схему, но был разоблачен, хотя как-то выкручивался. Рассказывали также, что еще раньше, когда ЗСГУ находилось в Новосибирске, он жаловался начальнику управления Старкову, что его не любят в Сибири, потому, что он - еврей. Старков ему на это отвечал, что его не любят по национальному признаку, но не потому, что он еврей, а потому, что он - арап. Между прочим, в наши дни в С.-Петербурге процветает известный театральный режиссер Лев Абрамович Додин - сын известного нам А.Л. Додина.

К концу 50-х - началу 60-х гг. алтайские листы были закончены. Были составлены карты, объяснительные записки, пройдены Техсоветы и Редсоветы и всё пошло в издательство. Из алтайской серии оставался один лист - N-45-XXXII, которым занималась партия Олега Адаменко (с позволения читателей, я молодых специалистов буду называть по именам, т.к. отчество многих я или знал, но забыл, или вовсе не знал). Об Олеге стоит рассказать особо. Как-никак, единственный (пока?) академик из еланцев, одна из достопримечательностей Елани. Олег закончил вместе с еланцами Б.Блюманом и Ю.Гуляевым Ленинградский Горный Институт и был распределен в ЗСГУ - ЦГСЭ. В студенчестве он увлекался магматизмом, - и во время учебы, и на производственных практиках. В ЦГСЭ его послали в нашу Аргутскую партию, из которой в то время ушел В.Волков на должность старшего геолога по алтайской группе партий. Меня, несмотря на мои протесты, назначили начальником Аргутской партии. Наша партия в то время работала в высокогорье, машины к нам приходили, когда мы спускались вниз, поближе к дорогам и населенным пунктам. Олега из Елани отправили на машине в Усть-Канскую партию (М-45-VII). Ответственная по Усть-Канской партии, ученица Миры Карловны Винкман, Н.А. Крючкова ушла в декретный отпуск. М.К. Винкман с А.Б. Гинцингером приехали в Усть-Канскую партию, где оставались

без присмотра помощники Крючковой, Евлампий Дашков и Витас Канона. Адаменко задержался в Усть-Канской партии и проявил себя там неплохо. А когда мы спустились с гор и переезжали на новое место своего листа, заехали в Усть-Канскую партию. Мира Карловна расспросила меня, что у нас и как, и, узнав, что нам осталось в этом сезоне немного, посоветовала оставить Адаменко в Усть-Канской партии, т.к. он там пришелся ко двору. Я не возражал, и Олег остался, а потом и совсем закрепился в Усть-Канской партии, где был одним из исполнителей листа и записки.

Работа на всех алтайских листах подходила к финалу, оставался Бийский лист N-45-XXXII. Олегу предложили этот лист и он согласился, т.к. в южной части листа находился адский гранитный массив, увенчанный горой Бабырган - «визитной карточкой» Горного Алтая. С гранитами Олег расправился довольно быстро. А дальше? А дальше до горизонта простиралась Бийская низменность - сплошной кайнозой: пески, глины, ни любимой петрографии, петрологии и прочих «петро-». Раньше какие-то работы проводились на юге листа, на адском массиве, все остальное - целина. Олег быстро втянулся в кайнозойские отложения, почувствовал вкус, выделил много разных свит и террас и с тех пор ниже кайнозоя уже не опускался. Некоторое время он был главным геологом экспедиции, потом ушел в академические институты, в Новосибирск, почему-то в Иркутск.

В те годы составлялась мелкомасштабная геологическая карта Западно-Сибирской низменности. Олега пригласили поучаствовать, он составил карту юго-восточной части низменности. Карта получилась. Коллектив, в т.ч. и Олег, получили государственную премию. Олег защитил сначала кандидатскую, потом - докторскую, а потом перебрался на Украину, в Ивано-Франковск, на геологический факультет нефтяного института. В Ивано-Франковске, на родине геолога Прогнозной партии Тематической экспедиции ЗСГУ Ярема Грицюка, жила (а может быть, дай ей Бог здоровья, еще живет) мать Грицюка. Ярем, как-то будучи в отпуске, встретился с Олегом. Я в те годы работал в Молдавии, в Приднестровье. Вдруг получаю телеграмму: «Нас двое, не хватает третьего, приезжай. Адаменко, Грицюк». Я поехал из Молдавии, естественно, не с пустыми руками. Олег водил нас по институту, рассказывал, чем занимается, а потом «посидели» в семье Адаменко. Вскоре Олег выиграл конкурс на замещение должности заведующего лабораторией геологического института Молдавской Академии наук. Переехали они в Кишинев с женой Риммой, получили большую квартиру, но что-то там у него не сложилось, и он вернулся на Украину. Вскоре я получил от него письмо: его выдвигают в академики, отзывов много, но нет отзыва о его работе на съемке в ЗСГУ. Я, конечно, написал, по возможности объективнее, но все получилось в превосходной степени, как того он заслуживал. В академики его, как известно, выбрали. Несколько лет тому назад я побывал в С.-Петербурге на праздновании 50-летия Сергея Павловича Шокальского, встречался с Борисом Блюманом. Олег, будучи в С.-Петербурге, останавливается у Блюмана, своего сокурсника. Борис сказал мне, что Олег начал «закладывать». Не мудрено: сколько было торжественных заседаний, сколько через его руки прошло диссертаций, неминуемые банкеты и т.д. и т.п. Не хотелось бы думать, что это надолго.

Получилось большое отступление от главной темы, но мне думается, что все это к истории Елани имеет прямое отношение.

Пожалуй, еще одно отступление. Ведь у нас, еланцев, есть еще один лауреат Государственной премии - Леонид Федорович Артамонов, наш бывший главный инженер экспедиции.

Когда я работал в Молдавии, приходилось ездить в Киев. Однажды в Североукраинском геологическом управлении, в вестибюле, я увидел доску ударников управления, и в числе лауреатов Государственной премии первым был Степан Данилович Яковенко, вторым - Леонид Федорович Артамонов. Как раз по лестнице спускался Яковенко. Мы с ним одновременно работали в Курайской экспедиции. Я на поисках и съемке, а он доразведывал Чаган-Узунское ртутное месторождение. Потом он уехал на Украину. Повел он меня в свой каби-

нет, он - уже старший геолог геологического отдела Управления по редким металлам. Рассказал, что нашел, а потом вместе с Л.Ф. Артамоновым разведывал какое-то месторождение редких земель, за что они и получили Госпремии.

Другая картина. Киев, двор центральной лаборатории, лето, жара, обеденный перерыв, наш УАЗик стоит в тени каштана, я пересматриваю заказы (в Молдавии своих лабораторий не хватало). Во двор заезжает крытая вахтовка, открывается дверка ее будки, из которой летит объемный портфель, по лестнице задом к свету спускается фигура, громко ворчит, не выбирая слов, - «что-то слышится родное», - фигура поворачивается и... вот он, второй Лауреат, Л.Ф. Артамонов собственной персоной. Укрылись мы с ним в нашем УАЗике, у меня что-то было, вспомнили прошлое; он рассказывал, как они с Яковенко осваивали месторождение, как и сколько получил за премию (я забыл). Он к тому времени был уже на пенсии, но работал в каком-то училище, обучал буровиков. Живет он больше за городом, там у него домик, сад, огород, - приглашал в гости.

Вот такими Лауреатами были наши еланцы. Но это было уже в 80-е годы. А в конце 50-х - начале 60-х все алтайские листы были закончены, прошли Техсоветы и Редсоветы и были сданы в издательства (кроме листа N-45-XXXII). В южной части трапеции N-45 закончили листы N-45-XXXIII - Капиталина Дмитриевна Нетумаева; N-45-XXXIV - В.П. Студеникин и А.И. Смирнова; N-45-XXXV - В.И. Фоминский. В трапеции M-45 дела обстояли следующим образом: M-45-I - А.Б. Гинцингер; M-45-II - М.К. Винкман; M-45-III и M-45-IV - В.М. Сенников и Р.Ф. Колпакова; M-45-VII - Е.М. Лашков и О.М. Адаменко, под руководством М.К. Винкман; M-45-VIII - А.Н. Кононов и Г.В. Пасечный; M-45-IX - А.Ф. Белоусов; M-45-XV - В.В. Волков и В.П. Сергеев.

В Горной Шорни листы готовили Ю.Т. Щербаков, А.И. Скоморохов под руководством профессора Томского политехнического института Константина Владимировича Радугина. В Кузнецком Алатау Г.Ф. Горелов и его ученики: П.А. Пономарев, Л.В. Алабин, А.М. Кузнецов, а также от ВСЕГЕИ - А.Л. Додин (пол-листа). На Салаире листы готовили Л.М. Юров, В.В. Бессоненко, А.П. Захаров. Кузбассом занимались И.П. Максимов, В.Ф. Заузолков, Н.В. Нетриевская, Х.М. Симуни, Л.М. Мысина, О.Г. Корсак (пол-листа). В Чулымо-Енисейской впадине листы, как блины, «плёк» Ю.Б. Файнер; в Бийско-Барнаульской впадине - М.А. Зеленова и Ю.М. Колыхалов.

А что же делали гидрогеологи, из-за которых к первому названию экспедиции добавили соответствующее слово? Запомнились работы Ю.Н. Романца по инженерно-геологическим изысканиям на Антоновской площадке, на которой потом будет построен Западно-Сибирский металлургический комбинат; разведка подземных вод в разных районах и составление гидрогеологических карт Л.Г. Украинчуком. Больше что-то ничего не вспоминается.

В 1957 г. Управление перебралось в новое здание на Школьной улице, напротив пединститута. Были слухи, что это здание предназначалось институту усовершенствования врачей. Поэтому понятно, почему сквозь третий и четвертый этажи в центре здания проходит этакий двухэтажный зал. На четвертом этаже по периметру зала построены балконы, с которых совершенствующиеся врачи могли бы наблюдать за операциями, проводящимися этажом ниже. Здание это, видимо, усилиями С.А. Скробова, было изъято у города в пользу геологического управления. Городской группе съемочной экспедиции было выделено несколько кабинетов. В то же время был построен жилой дом, что на проспекте Металлургов, в другом конце проспекта от железнодорожного вокзала. В этом же жилом доме потом расположилась городская железнодорожная касса. В это же время экспедиция из Мирного переселилась на Елань. Образовались две группы: городская - в городе, и сельская - в Елани. Все были довольны: «горожане» - каким-никаким уютом, а «селянам» расположение «удобства» во дворе компенсировалось полевой добавкой к зарплате.

Новосибирские «старички» А.Б. Гинцингер, М.К. Винкман и В.М. Сенников, закончив свои листы, прибыли в Новокузнецк, в Управление, для решения своей дальнейшей судьбы.

Их, конечно, тепло приняли. То ли С.А. Скробов, то ли Н.С. Мамлин выхлопотали у города им квартиры в доме, что на углу проспекта Metallургов и Школьной улицы, там, где на первом этаже располагался городской музей с чугунными пушками у входа.

М.К. Винкман стала старшим инженером геологического отдела ЗСГУ по съемке, В.М. Сенников - главным геологом нашей экспедиции, А.Б. Гинцигер - старшим геологом нашей экспедиции по алтайской группе партий. Лучшего варианта не придумаешь! Но «недолго музыка играла». Вскоре в Новосибирске открылся Сибирский институт геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГТиМС), и все они с радостью вернулись в Новосибирск, в новоиспеченный институт.

Так вот, первым главным геологом экспедиции, хотя и недолго, был Валерий Матвеевич Сенников, а Г.Ф. Горелов на эту должность заступил позже.

Городская группа «алтайцев» после окончания двухсоттысячной съемки и ввиду предстоящей пятидесятитысячной съемки собиралась для сведения всех алтайских двухсоттысячных листов в карту масштаба 1:500 000 и для выработки легенды для карт масштаба 1:50 000. Роли распределили так: докембрий и кембрий - А. Алюсов и Н. Заплетин, переведенные в ЗСГСЭ из Северо-Алтайской экспедиции; кембро-ордовик (многокилометровая флишеидная толща, т.н. «горно-алтайская серия», занимающая огромные пространства Горного Алтая) - В. Волков и Б. Майборода; ордовик и силур - Г. Пасечный и Г. Вищун; девон - В. Сергеев и Л. Некрасова. Но благим намерениям не суждено было сбыться. В этот год отряд по редким металлам Курайской экспедиции в отрогах Южно-Чуйских белков по реке Елангаш наткнулся на урановое оруденение (почкообразные выделения настурана). Курайской экспедиции было приказано провести в этом районе пятидесятитысячную съемку, а прилегающие листы в этом же масштабе снять нашей экспедиции. Стали тянуть жребий, и нам с Л. Некрасовой выпала эта работа. Г. Пасечный и Г. Вищун ордовиком и силуром прозанимались не больше года, и тоже были переведены на съемки на стыке Горного и Рудного Алтая. Позже А. Алюсов и Н. Заплетин также оказались на съемке на юго-востоке Горного Алтая. На запланированной тематике остались только В. Волков и Б. Майборода.

С этих пор началась многолетняя эпопея пятидесятитысячной съемки в Горном Алтае. В разные годы на этих работах от нашей экспедиции, кроме вышеупомянутых, занимались: Ю. Носков, Г. Гурский, Л. Зейферт, Б. Снежко, Н. Лихачев, Е. Лашков, Н. Гладких, А. Кононов, А. Захаров. Съемкой масштаба 1:50 000 занимались и другие экспедиции Горного Алтая: Северо-Алтайская и Курайская, а также экспедиции Салаира, Кузнецкою Алатау, Горной Шории.

Чем только не приходилось заниматься нашей экспедиции, даже экзотическими работами. В 1968 г. по указанию сверху начали изучать пещеры для укрытия в случае атомной войны. Был создан пещерный отряд во главе с Г.П. Шарихиной, которую называли «пещерной дамой». В этом же отряде работал А. Губарь по прозвищу «Кузьмич» - человек очень разносторонний, находящийся в постоянном поиске своего места в геологии. После пещерного отряда он занялся геологической съемкой района Чаганузунского ртутного месторождения в масштабе 1:10 000. Начальником этого съемочного отряда он оказался не по своей воле. Назначенный на эту должность А. Кузнецов перешел на другую работу, и «Кузьмич», никогда прежде не занимавшийся съемкой, возглавил съемочную партию. Нас с В. Зыбиным направили к нему с консультациями. Мы проводили его по опорным разрезам того района, совместно с ним продешифрировали несколько аэрофотоснимков. На том наши консультации закончились. Он быстро схватывал, что к чему, и к концу первого полевого сезона показал карту части района - вполне грамотную, даже излишне детальную. «Кузьмич» оказался «лозоходцем», но пользовался не лозой, а двумя Г-образными отрезками обычной проволоки. Обучал он своему искусству и других, но у него проволоки крутились заметно быстрее. Методом «лозоходства» он научился отыскивать различные контакты, разрывные нарушения, даже минерализацию - даже когда все это не выходило на поверх-

ность, было зафиксировано. В итоге была составлена детальная карта Чаганузунского месторождения и его окрестностей. Экспедиция может гордиться этой картой, как одной из лучших карт за время действия экспедиции.

Ему бы и дальше продолжать съемку других участков, но «Кузьмич», видимо, понял, что это он уже умеет, и занялся геохимией.

О многих сотрудниках экспедиции, так или иначе причастных к истории Запсибгеолсъемки, можно было бы написать, но это увело бы в сторону. Но вот о А.Н. Мецнере написать стоит, поскольку он причастен и к истории экспедиции, и к ее ликвидации.

В юбилейном сборнике он упоминается многократно. Наиболее ярким воспоминанием о нем является очерк В. Владимирова «Наш генерал». Он представляет собой некий панегирик в честь А.Н. Мецнера, не лишенный многих преувеличений и неточностей. По случаю юбилейного события, которое явилось таким бенефисом «нашего генерала», такой дух очерка может быть и оправдан, но история требует точности и правдивости. А.Н. Мецнер окончил Осинниковский горный техникум: может быть, потому, что хотелось скорее в поле, а может быть, потому, что дела в школе складывались не лучшим образом и не было уверенности, что удастся пройти по конкурсу в ВУЗ. Но так или иначе, а Томский университет, хотя и заочно, он закончил, защитил дипломный проект на тему «Петрология (!) Усть-Семинского вулканогенного комплекса». Руководитель проекта так оценил эту работу: «за техническое исполнение - отлично, за артистичность (?) - отлично». Рецензент добавил: «немного доработки - и кандидатская готова». Автор очерка В. Владимиров «не помнит случая, чтобы студенческая работа почти полностью вошла в производственный отчет». Где и когда «наш генерал» смог так глубоко (петрология!) проникнуть в тайны Усть-Семинского вулканогенного комплекса? В начале семидесятых годов он работал в Манжерокской партии, и, как молодой специалист, - на второстепенных должностях. Там и ведущие геологи - Г. Гурский, Л. Топольник, В. Миронов - в петрологию глубоко не погружались. В Манжерокской партии А.Н. Мецнер мог что-то слышать об Усть-Семинском комплексе: Манжерок и Усть-Сема рядом. Во второй половине 70-х он работал в Кумирской партии, там свои вулканогенные комплексы, далекие от Усть-Семинских.

В Томском университете отметили отличное техническое и артистическое исполнение проекта. Что значит «артистическое»? Можно подумать, что дипломант при защите диплома припевал и пританцовывал? Или как?

В. Зыбин и В. Куртирешев позже не один год изучали Усть-Семинский комплекс и, наверное, добавили кое-что, чего не хватило А.Н.Мецнеру для диссертации, но ни кандидатами, ни артистами не стали. «Дипломный проект А. Мецнера почти полностью вошел в производственный отчет». А может быть наоборот?

В эти же времена в штате экспедиции происходили заметные перемены. Решением каких-то верхних инстанций из какой-то редкометалльной партии (экспедиции) в нашу экспедицию были переведены В.Ф. Котик, Т.И. Сомов, Б.В. Дроздов. Были и такие, которые приходили из других организаций по собственной инициативе. Так, выпускники геологического факультета Харьковского университета С.П. Шокальский, В. Бутенко и В. Казбан были направлены в Кузбасс геологами в угольные шахты. Какая в шахте геология: уголь - не уголь, еще что-то! Ребята взвыли от тоски, высчитали нашу экспедицию, пришли и были приняты. Их судьба сложилась по-разному. В. Казбан геологом так и не стал (камнерезный цех, лаборатория и пр.), В. Бутенко что-то делал, но как-то незаметно; тем не менее, при доизучении умудрился практически загубить лист М-45-ХV. Совсем иная доля выпала С.П. Шокальскому. Через несколько лет он фактически стал главным геологом экспедиции: А. Мамлин на посту главного геолога занимался чем угодно, только не руководством геологическими делами.

Потом экспедиция занималась спасательно-благотворительными мероприятиями. Задохла Алтайская гидрогеологическая экспедиция. По распоряжению сверху остатки ее были



переведены в ЦГСЭ. Приняли их, помыли, причесали, накормили, отремонтировали уцелевшую технику, но пробыли они у нас недолго. Разбогатевшие за счет нашей экспедиции, сытые, довольные, с обновленной техникой, убыли они в свои Предалтайские степи - дырять их с надеждой, что что-то потечёт.

А потом что-то разладилось в Тематической экспедиции. В составе ЦГСЭ оказались палеонтологическая, литологическая, прогнозная партии и какие-то лаборатории. Но эти оставались на своих местах, только числились они уже в составе нашей экспедиции, хотя пробыли в ней недолго: куда-то разбрелись, кажется, в свою возродившуюся Тематическую экспедицию.

Геологическая съемка - работа универсальная. Съемщику приходится заниматься всем: и стратиграфией, и магматизмом, и метаморфизмом, и металлогенией. За съемщиками, по их рекомендации, пойдут поисковики, а повезет - так и разведчики, и горняки. Съемка - элита геологии, а съемщиков называли «офицерскими ротами» и «белой костью», «голубой кровью». Как правило, съемщики становились грамотными геологами: тому способствовал предмет исследований. Уровень грамотности и профессионализма проявлялся у каждого по-своему. Было много добросовестных исполнителей, действующих по инструкциям, указаниям. В их рабочий день, «от и до», хватало времени и на работу, и на дом, и на семью, и на отдых, т.е. это были нормальные люди с нормальным образом жизни, достигшие тех или иных вполне удовлетворительных результатов. Но были и такие, для которых работа - геология - составляла хоть и не единственный, но основной смысл жизни, этикие «неистовые трудоголики». Им было мало инструкций и указаний; они работали творчески, с инициативой. К таким «творцам» я бы отнёс С.П. Шокальского, О. Никонова, Г. Бабина, А. Губаря, Я. Грицюка. Этим не устраивали удовлетворительные результаты, они получали высокие отметки. К этим последним можно, пожалуй, с некоторой поправкой отнести В. Токарева, В. Зыбина, В. Куртигешева и немногих других.

Принято считать, и это прозвучало в выступлениях на праздновании 50-летия экспедиции и в сборнике воспоминаний, изданном по поводу юбилея, что в трудные девяностые годы, когда разваливалась геологическая служба страны, экспедицию спас, возродил теперешний ее начальник А.Н. Мецнер. Отчасти это так, но только отчасти.

К началу девяностых годов геологическая служба страны вместе со всей страной стремительно разваливалась. Денег экспедиции не давали, начинались сокращения, задолженности по зарплате. Стали искать всяческие выходы. Все знали, что металлургические комбинаты Новокузнецка работают на привозном сырье: и руду, и нерудное сырье завозят со стороны. С рудой понятно - своей горно-шорской руды не хватало. Магнетитов своих не было, ввозили с Урала - с Саткинского месторождения, но ввозили даже огнеупорную глину с Украины. Откуда-то ввозили известняки, доломиты, кварциты. Всего этого здесь, в Западной Сибири, было предостаточно. В экспедиции решили предложить комбинатам свои услуги по освоению месторождений нерудных полезных ископаемых, в том числе и дефицитных магнетитов, отдельные находки которых к тому времени уже были известны в Горном Алтае, были надежды найти их в Кузнецком Алатау, Горной Шории и на Салаире.

Решили комбинатам предложить за их деньги провести на нескольких месторождениях дополнительные поиски, разведку. На комбинаты, на разведку, послали нас с О. Никонвым. На КМК нас слушать не захотели: сами, мол, обнищали, не до вас. На Запсибе к нашим предложениям отнеслись более внимательно. Когда мы им рассказали, что и где из полезных ископаемых, нужных металлургии, есть в Западной Сибири, металлурги сокрушенно качали головами: «Где же вы раньше были, целовались с кем, почему же в свое время не известили нас?!». Мы им объяснили, что наше дело - найти, уточнить, что, как и сколько и доложить по инстанциям. Писали отчеты, чертили карты, докладывали и экспедиции, и управлению. Управление докладывало Министерству геологии, а те - куда-то выше, видимо, в Госплан. Почему Госплан не среагировал нужным образом, мы не знаем. Потом

на Запсибе побывали главный геолог и начальник геологического отдела экспедиции - соответственно, А.Н. Мамлин и С.П. Шокальский, - привезли с собой карты, образцы руд. Опять «ахи и охи», ругали Госплан. Все понимали, что прекратить ввоз нельзя - остановится производство, а специальных денег на освоение предлагаемых месторождений у Запсиба нет. Сами вынуждены выкручиваться, организовали обувной и колбасные цеха. Но все же на доразведку огнеупорных глин что-то выделили, в экспедиции появились какие-то деньги. Но завершить доразведку не удалось, средства иссякли, и потом, в счет зарплаты, нам выдавали запсибовскую колбасу, сосиски и почему-то кофе.

А потом началась «агатовая» эпопея. На юге Кузбасса из выветрелых триасовых (?) базальтов выковыривали конкреции агатов, организовали камнерезное дело, в разные торговые организации предлагали отполированные пластинки или невскрытые конкреции. Многие заинтересовались нашими предложениями, но просили показать лицензию, позволяющую нам добычу агатов. Лицензии не было: у экспедиции не хватало денег на взятку этим «лицензентам». Лопнуло и это дело.

Все эти мероприятия организовывали и осуществляли «трудоголики» с помощниками. Начальник экспедиции А.Н. Мецнер что-то делал, но в этих попытках спасти экспедицию замечен не был. Он готовился к «грандиозным свершениям». Министерство геологии еще существовало, на повестке дня в региональной геологии сохранилось «доизучение-200» - обновление, в основном камеральным путем, листов масштаба 1:200 000. Существовала и ЦГСЭ. Некоторые, не выдержав задержку зарплаты, увольнялись, находили какую-то работу на стороне, в частности на аглофабрике, где устраивались, кто как мог, многие - на подсобных работах. Большинство как-то мирилось с невыплатой зарплаты и оставалось в экспедиции.

При «доизучении-200» многое приходилось начинать сначала: прежде всего, надо было выработать легенды по регионам, по отдельным крупным структурным единицам внутри регионов. Для этого надо было, по-хорошему, сначала провести региональные совещания с участием ответственных исполнителей, работающих в этих регионах, а также для согласования с исполнителями из смежных регионов, в том числе из соседних управлений, как это было сделано раньше, когда приступали к непосредственной съемке. В Западной Сибири этим должен был заниматься СНИИГГиМС совместно с управлениями, но ни у СНИИГГиМС, ни у Управлений средств для организации таких совещаний не было. Решили проводить так называемое «доизучение» прежних схем и легенд. Но к этому времени многие районы, большие территории уже были покрыты съемкой масштаба 1:50 000, появилось много новых материалов, так что в конце концов при «доизучении» многие схемы и легенды значительно изменились.

Пришлось по-новому проводить структурно-формационное районирование, выделять новые стратиграфические, магматические и метаморфические комплексы, новые опорные разрезы и т.д. Работы «трудоголикам» и их помощникам хватало. В беззарплатное время можно было бы ограничиться нормальными рабочими часами, но и тогда окна геологического отдела светились допоздна. Однажды даже С.П. Шокальского, прикорнувшего на часок-другой до начала рабочего дня где-то в уголке, чуть ли не под лестницей, разбудила и отправила домой сердобольная уборщица. В эти дни в экспедиции оказался зам. министра геологии. Он заинтересовался, чем тут занимаются. Многие экспедиции, и даже управления, сворачивают работы, а тут создается что-то, что может иметь значение не только для Западной Сибири. Велено было доложить «в верхах». С.П. Шокальский поехал в Министерство и во ВСЕГЕИ, а меня послали в СНИИГГиМС. Сергей Павлович повез в центры что-то более или менее законченное, а я - черновики, и доклад мой был построен не лучшим образом. Но в институте ученые, «Ньютоны ненаглядные», поняли, что тут пахнет чем-то жареным. В центрах тем более все поняли, всячески приветствовали и на продолжение этих работ выделили средства. В экспедиции появились деньги и А.Н.Мецнеру было на что купить билет в Москву для начала «грандиозных свершений».

Далее следует согласиться с тем, что дальнейшее восстановление и укрепление экспедиции связано с именем А.Н. Мецнера. Не знаю, как там появилась идея создания ФГУПП: сам ли он догадался, подсказал ли кто, но - предприятие создано, появились новые, немалые источники финансирования. Появилась новая техника, новые виды работ, расширились прежние, прежде всего бурение. Средств хватало на многое, даже на строительство современных жилых домов в центре Новокузнецка, а также на заграничные командировки в Канаду, в Бразилию, во Францию и Китай, и даже зачем-то в Мозамбик. Может быть, для изучения петрологии вулканогенного комплекса этой страны, аналогичного такому же комплексу в Горном Алтае, который А.Н. подробно изучил и изложил сначала в дипломном проекте, а затем и в производственном отчете? Может быть, наоборот, из отчета - в дипломный проект? А были ли другие варианты сохранить экспедицию? Видимо, были. Северо-Алтайская экспедиция существует на бюджетные деньги, ведет «доизучение», съемку, какие-то поиски. У нее больше права называться «Запсибгеосъемкой».

А что же наша экспедиция? А экспедиции не стало, появилось «предприятие», унитарное (определение не очень благозвучное), которое ищет заказы, составляет договоры - добрались даже до Читы. В основном это бурение, организовали даже каротажную партию. Это сколько же надо бурить, сколько станков, скважин, чтобы держать каротажную партию? Ну а где же «геологическая съемка», или какие-то иные работы по региональной геологии? Если слухи верны - таковых нет, или почти нет. А предприятие называется ФГУПП (что стоит такая аббревиатура - язык сломаешь и тут же забудешь!) «Запсибгеолсъемка». Может быть, правильнее было бы назвать: «Запсибзаказ» или «Запсибдоговор»?

Но предприятие существует. Сотрудники обеспечены работой, зарплатой (наверное, не ниже среднего уровня), жильем. Кадры в основном сохранились. В этом, безусловно, заслуга «нашего генерала». Однако экспедицию жаль. Но, «быть может, ещё возвратится хорошее время и в наш уголок?». Будем надеяться!

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Над Еланью ли, под Еланью ли, вокруг ли Елани существует или, во всяком случае, существовало, некое энергетическое поле, аномалия, объясняющая появление в данном месте множества незаурядных людей. Среди них:

- академик Украинской АН О.М. Адаменко;
- доктора наук В.В. Волков, Л.В. Алабин, Г.В. Пасечный, Б.А. Блюман, В.В. Бутвиловский, В.М. Сенников, Ю.Г. Щербаков, А.Ф. Белоусов (последние трое, хотя и не жили на Елани, но защищались по материалам, собранным во время сотрудничества с экспедицией).

Количество кандидатов наук неисчислимо. А также:

- лауреаты государственных премий Л.Ф. Артамонов, О.М. Адаменко;
- Герой Советского Союза - сын секретаря экспедиции;
- чемпион мира по лыжным гонкам среди юношей - сын механика В.И. Вилисова;
- писатель-фантаст, член Союза писателей И. Другин;
- и многие другие.

В те годы число сотрудников экспедиции и членов их семей составляло, наверное, не больше тысячи человек. Если учесть только перечисленных выше выдающихся еланцев, то получается, что на каждые сто человек сотрудников экспедиции и членов их семей приходится как минимум по одному незаурядному. А если учесть и кандидатов наук, то выходит и того гуще. Такая, вот, еланская аномалия.